

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ ЗВЕЗДА МОРЕЙ

Пушкинские "странные сближения" бывают и счастливыми. В Москве журнал "Огонек" в своей известной серии издал сборник стихов Юрия Михайлика "Звезда морей". Месяца за два до этого радостного для поэта события там же, в Москве, но в другом издательстве, вышла книга стихов Елены Юрьевны Михайлик "Ни сном, ни облаком". Такие книжные радости подоспели к семидесятилетию Юрия Николаевича.

Юбилей удался!

Сколько лет прошло с ранних стихов Михайлика, со времен, когда беззаботно читались стихи и напевалось: "Ах, Николаевский бульвар, кораблики качаются, я никогда не забывал, что перерыв кончается, что нету счастья без конца, а мне его отпущено от Воронцовского дворца до памятника Пушкину"! Как много и мало нам нужно для счастья в юности!

Кажется, незаметно "напевные грехи" молодости уходили в прошлое. Но оставалось легким и свободным дыхание строки, в которой "возник жасмин, таившийся в саду", и "дачный трамвайчик неспешный отзвенел по своим колеям". Не об этом ли напишет позже Михайлик:

*Рифмуется все что угодно,
любая из рифм хороша,
пока молода и свободна,
легка и беспечна душа.
Не знает она, не гадает,
какие придут времена,
сама по себе совпадает
с дыханием мира она.
Наивным шальным озареньем
присвоив неведомый ритм,
не знает законов парня,
а просто парит и парит.*

...Когда уезжал из Одессы Борис Владимировский, Лена Михайлик воскликнула: "Владимировский уезжает?! Это все равно что уехал бы Оперный театр!". Когда через несколько лет уезжали Михайлики, казалось, что уезжает не только Оперный, но и Приморский бульвар с Пушкинской, и Большой Фонтан вместе с Городским садом.

Незатейливая песенка "В городском саду играет духовой оркестр..." тешила сердца одесситов — это наш Городской сад, в котором у каждого была "своя" скамейка и каждому "духовой оркестр" играл что-то свое...

Уже в Австралии написаны пронзительные строки: "Я прислушаюсь, дрогну, пойму — и с ума сойду, ибо это играет оркестр в городском саду. Над зеленой, холеной, над стриженой травой эта жизнь моя, кажется, кружится вниз головой...". Между тем "духовым оркестром" и этим "оркестром в городском саду" прошла целая жизнь. Не только Михайликов, но и наша...

*Мимо грядок, оградок,
ларьков, пионерлагерей,
мимо редких дверей
в нескончаемом дачном заборе,
мимо пыльных акаций
на каменных плитах — скорей! —
и откроется море.*

*Чаша Черного моря
под куполом светлых небес —
голубое, зеленое, серое, сизо-стальное.
Что ты помнил о счастье,
пока тебя не было здесь?
Что ты знал о просторе, о воле,
о медленном зное?*

*Понт Эвксинский, таласса,
кипенье и пенье веков,
колотящихся в берег,
как память его и забвенья,
и гряда горизонта
под дальней грядой облаков
долгожданной любви,
и внезапной ее, и мгновенной.*

*Что ты помнил о счастье?
Но горькая эта вода
будет в берег стучать и стучать
до урочного часа,
чтоб откликнулось сердце,
и ты воротился сюда.
И откроется море —
дыханье, сиянье, таласса.*

Этот благословенный фонтанский пейзаж между 12-й и 13-й станциями, тот, где открывается "чаша Черного моря под куполом светлых небес", я называю "стихотворением Михайлика" и с тоской думаю, что вот-вот этого "стихотворения" не станет. Ведь нет уже грядок, оградок, ларьков, пионерла-

герей, редких дверей в нескончаемом дачном заборе, вытесненных нынешними архитектурными монстрами.

Мы любили Одессу, зная все несовершенство города, давно ставшего провинциальным, где пушкинское "Там все Европой дышит, веет" вызывало лишь ностальгические чувства по ее "золотому веку". Мы любили море — "Все против нас. И небо против. Но море все-таки за нас", бульвары, улочки, дворики старой Одессы. Мы читали у Михайлика: "Да, в империи, на юге, в эмпирее, где от солнца, как от бабелевской прозы, смуглы девушки, лукавы брадобреи и томительны июльские стрекозы". Даже этих томительных июльских стрекоз было достаточно, чтобы почувствовать зной одесского июля — с фонтанскими помидорами, с брызгой с Привоза, с сухой "Лидией" из колхозной винарки, со ставридкой, с брызжущими сладостью абрикосами... И с воздухом города, которым были полны стихи Михайлика. И в этом воздухе моря, города, стихов дышать было легче.

Был ли в стихах Михайлика "сладок нам лишь узнавая миг" одесских примет? Несомненно. Но не только в этом суть. На генетическом уровне освоив и отдав должное наследию "Юго-Запада", Юрий Михайлик нашел собственную интонацию, свою мелодию, и еще живя в Одессе, вышел за ее "городские стены". Не стремившийся осилить "шум стихотворства" 70-80-х годов, его голос, его стихи, тем не менее, были услышаны, полюблились и за одесскими пределами.

А потом "случилась" Австралия — "...и море пред тобой — Тасманово, и город за спиной — Сидней. И неба дымчатая патина случайная в твоей судьбе, и нет земли доброжелательней и снисходительней к тебе...". Но там же, в этом стихотворении, — "весенним утром (здешней осенью), увидев парус за окном, не приставать к нему с вопросами, что кинул он в краю родном".

В стихах Юрия Михайлика я чувствую и привкус горечи и тоски от несовершенства мира, и нахожу свидетельства достоинства и стойкости человеческой души. Без патетики и резонанста. Зато иронии в его стихах — предостаточно! Одно из самых любимых моих стихотворений Юрия Михайлика — "Ода пуговицам": "В академических диспутах не раз обсудят в тоске две и четыре дырки на маленьком кругляшке. Набив синяков и шишек, ценками тычась в потымахи, культуру круглого с дырками опишут в восьми томах". А я думаю, вдруг в каком-нибудь будущем "кайнозое" властолюбцы будут возводить свои родословные вот к этому круглому с дырками?! Одни — к "культуре двух дырок", другие — к "культуре четырех дырок", а уж "казнелюбивые владыки", вероятно, к "выпуклым блестящим на ножке" — пуговицам военных мундиров...

А название сборника, изданного в Москве, — из стихотворения, написанного года два тому назад.

*Звезда морей — из серого песчаника
часовенка над горечью морской —
изгнанника укрыть, утешить странника,
скалящую и страдальцу дать покой.
Но там, вдали, над черными проливами,
над лежбищем погибших кораблей,
над ржавыми, пустыми, молчаливыми,
она еще горит, звезда морей.
Она летит над стьялыми фиордами,
над островами ледяных полей,
над временем, когда мы были гордыми,
над беспощадной юностью моей.
И в поздний час прощальной безмолвия
она одна проводит нас домой
над темными сомкнувшимися волнами —
уже не за кормой, а над кормой.
Подводные холодные течения,
забвения последняя печать.
Нам никогда не вымолить прощенья.
Нас в этом море некому прощать.*

Морская звезда, Stella Maris — спасающая, подающая надежду — одна из ипостасей Девы Марии. Этот образ возник много веков тому назад. Во славу ее возводились часовни на морском берегу, возносились католические молитвы, песнопения. И многие поэты посвящали ей стихи.

Но у каждого поэта она своя. И "Звезда морей" Юрия Михайлика не похожа на других. Эти исполненные горечи строки я часто повторяю про себя. Легли на душу. Может, потому, что и у меня есть своя Звезда морей — русская речь и русская поэзия, в которой среди многих любимых стихов — и стихи Юрия Михайлика.

Багрицкий и Фиолетов

Многие писатели и поэты сами создают мифы о себе, придумывают биографию, в которой есть и лихие схватки, и любовь прекрасных дам. Легенды о себе придумывал и Эдуард Багрицкий. Астматик, он мечтал о сражениях, дальних странах.

Многого о юности Багрицкого мы не знаем, да и современники-литераторы в воспоминаниях склонны были порой следовать представлению поэта о себе.

Но есть и воспоминания простых, обычных людей, для которых знакомство с Багрицким оказалось чуть ли не самым ярким событием биографии. Правда, это выяснилось лишь годы спустя. Реже попадаются воспоминания об Анатолии Фиолетове и его неизвестные стихи. И все же бывает и такое.

Сохранились письма, написанные теми, кто знал Багрицкого и Фиолетова в детстве и юности. Ничего сенсационного там не найдешь, они могут показаться наивными, но живые детали дополняют облик поэтов. Письма печатаются с сохранением стилистики оригинала.

Алена ЯВОРСКАЯ,
Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Уважаемая редакция!

Прочел в Вашей газете "Вечерняя Одесса" от 19 июля с/г. статью под заглавием "Почтовый диалог", где пишется о 3-м выпуске клуба "192 ступени". Хочу с Вами поделиться некоторыми воспоминаниями о поэте Э. Багрицком. Я, как говорится, старый одессит, хотя в Москве проживаю 50 лет, а в этом году приехал в родной город на короткое время. С Багрицким — Эддой Дзюбиным (такое его настоящая фамилия) я учился в Одесском реальном училище В.А. Жуковского на бывшей Херсонской улице д. № 26. Два года в первом и во втором классе: 1905 и 1906 годы я сидел с Эддой за одной партой. Нужно сказать, что учился он не особенно успешно, но зато карикатуры на педагогов рисовал он мастерски, и по нашей просьбе, моментально, на рисовальной бумаге карандашом или углем появлялась удивительная по сходству карикатура. Поэтических способностей он не проявлял в то время. Он обладал большим ростом и довольно порядочной силой, чем заслужил уважение всего класса. В то время он увлекся французской борьбой и выделялся знанием приемов борьбы. Мешала ему уже в то время болезнь. Болел он астмой. Проучился он с нами до 4 класса, а затем в училище его не стало. Говорили, что он ушел из училища из-за неупеваемости по предметам. После ходили слухи, что Дзюбина часто видели на Ланжероне в обществе рыбаков. Потом война, революция, и мы, его товарищи, потеряли его из виду. Только кажется, в 1923 году я с ним встретился в Москве в Охотном ряду, поговорили друг с другом, и с тех пор, до самой смерти, мы не встречались. Несколько лет назад, в Москве, явился ко мне гражданин, отрекомендовался, что он пишет воспоминания о Багрицком, и просил у меня кое-какие материалы. Я ему дал фотографию, где мы — ученики реального училища, снимались на Ланжероне, а узнал он мой адрес, будучи в Одессе, от моего приятеля и сокурсника Петра Николаевича Подобного (адрес г. Одесса, ул. Свердлова д. 81 кв 72). Фотографию я ему дал, но он мне ее не возвратил. Вот о чем я хотел рассказать клубу "192 ступени". Проживая сейчас в Москве, я все же не забываю Одессу и при случае посещаю этот город, где много юных лет проживал на ул. Баранова (бывшей Княжеской)...

С уважением

Деснер Даниил Николаевич,
общественный корреспондент отдела писем
газеты "Вечерняя Москва".

В 1920-21 г. я бывала в семье Дуничевских. Глава семьи был до революции управляющим у Бродского, известного в Одессе. У него было три дочери — Нина, Мици и Зося. После революции завод был уничтожен, а Дуничевские продолжали жить в полуразрушенном доме, в уцелевшей половине. Мы, молодежь, приходили к ним, хотя это и было далеко, на окраине города. У них бывала интересная молодая компания, бывал поэт Кирсанов, художник Миллер и Эдуард Багрицкий. Он производил впечатление замкнутого человека, но вместе с тем принимал участие в наших беседах, спорах, иногда читал свои стихи и сочинял на ходу эпиграммы. Бывал он там часто, увлекался старшей сестрой Ниной, т. к. она тоже писала стихи и увлекалась поэзией. В дальнейшем две другие сестры с матерью и отцом выехали в Польшу, а Нина, выйдя замуж, выехала на Урал. Мое знакомство прекратилось с Багрицким, в связи с отъездом этой семьи.

У меня сохранилось фото тех мест, где мы все сфотографированы — три сестры, Багрицкий, я и еще один человек из нашей компании.

Сахарный завод находился где-то возле II Заставы.

Туда ходил трамвай № 21 до конца Дальнической улицы, а затем надо было идти еще пешком.

Кокоринова (Чеботарева) Вера Михайловна
1983 г. Ровно.

Уважаемая редакция!

Недавно я прочла в вашей газете "Вечерняя Одесса" о поэте Багрицком и узнала, что его друг был Анатолий Фиолетов. И нахлынули воспоминания гимназического юности.

Я познакомилась с Анатолием Фиолетовым на балу. Он был со своим другом, студентом Петроградского политехнического института. Имя и фамилию не помню, но помню темные глубокие глаза.

Объявили последний вальс, и я с подружкой собралась уходить. Вдруг подходит Фиолетов, представляется сам и представляет своего друга. Анатолий уговаривал меня протанцевать этот вальс с его другом. Друг и говорит мне: "Не отказывайтесь, он поэт, ему нельзя отказывать". Я согласилась, но сказала: "Если Вы поэт, напишите мне экспромт!". И по окончании вальса он подал листок со стихотворением "Зое".

Я его и посылаю. В то время я была в 7-м классе гимназии. После бала у нас начались встречи. Он очень много говорил, интересно говорил. Много говорил о футуризме, предлагал пойти на литературные вечера, но родители мне не разрешили. Говорил, что встречи его вдохновляют на творчество. Подарил мне свой сборник стихов с автографом. Помню, в этом сборнике он писал о себе, это было на последней странице:

*"Средь разных принцев и поэтов
Я, Анатолий Фиолетов, глашатай..."*

До Первой мировой все было сохранено. Потом как-то у нас оборвались встречи, вроде бы он болел. И я потеряла его из вида.

Прошли годы. В 1919 я вышла замуж, это было весной. Идем и видим на Соборной площади тысячная толпа, катафалк утопал в цветах. Я спросила — кого хоронят? Говорят, какого-то поэта. Я протолкалась поближе и на лентах венков прочла: "Дорогому Анатолию Фиолетову". Так мне удалось проводить его в последний путь.

А все же очень грустно, что все ушло.

Может быть, все это неинтересно и смешно. Извините, но я пережила сейчас минуты юности.

С уважением

Зоя Ивановна Есипович
24.XI.75 г.
Одесса.

P. S.

Интересно, кому попадет мое письмо?

Зое

*Танцевала, улыбалась
И плыла, блестя глазами,
Исчезала, появлялась,
Вновь глядела, вновь смеялась
Розоватыми губами,
А затем, устав, бросала
Конфетти рукою нежной,
Шаловливо осыпала,
И горели щеки ало,
Как закат в равнине снежной.
И тогда... бал покорился
Зое светлой и прекрасной,
Как богине ей молился,
И, клянусь, я сам пленился
Шейкой белой и атласной.*

Фиолетов.